

Богучарово и богучаровский бунт в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

Елена Фролова (образовательная программа «Филология»)

В романе «Война и мир» достаёт сцен, напрямую относящихся к сфере политического. Однако эпизод скомканного бунта крестьян в имении Богучарово являет нам политику, воспринятую и интерпретированную на отдельно взятом клочке земли. Пространство имения амбивалентно: наряду с частным чувствованием истории и своего места в ней его обитателями показана непредсказуемая реакция на события войны и политики со стороны. Схожесть эпизода бунта с некоторыми военными и «политическими» эпизодами, с одной стороны, и «приручение», освоение Марьей и Ростовым непростого имения, с другой, делает пространство Богучарова одной из главных мифологем романа.

Богучарово являет собой «пару» к Лысым Горам. Названия поместий существуют в смысловой связке: «Лысые Горы» – перифраз мифологической Лысой Горы – места, связанного со сверхъестественным; «Богучарово» же путем несложной этимологии также вписывается в семантическое поле «сакрального». При этом Богучарово прежде всего – место, куда князь Андрей *уходит* от потрясений – духовного кризиса (первой своей «смерти») и смерти жены. Это место подчеркнуто изолировано от остального большого мира, в том числе от Лысых Гор.

Первое подробное описание Богучарова дано глазами Пьера – «некрасивая, плоская местность» [V, С. 113]¹. Новизна и аккуратность построек соседствует с явной аскетичностью и скромностью, показывается со строгостью: в окончательной редакции романа Толстой убирает описание деятельности дворовых, их новомодные привычки, опустошая тем самым пространство, и сводит описание Богучарова к строгому перечислению. Свежесть имения довольно шаткая: недостроенный дом, «срубленные и несрубленные леса» ясно свидетельствуют о непростом состоянии души князя Андрея; только *молодые* сад и лес в этом описании оттеняют мертвый взгляд и сумрачный вид постаревшего Болконского. Пространство Богучарова двоятся в своей похожести и непохожести на лысогорское пространство. Предпринятый Андреем уход, попытка строить новую жизнь в деятельной рассудочности выглядит репликой черт быта старого Болконского. Два года в почти

¹ Здесь и далее с указанием номера тома и страницы цит. по: Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1980.

Богучарово и богучаровский бунт в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

иноческом уединении после своего опыта князь Андрей проводит, одновременно осведомляясь о делах внешнего мира и отгораживаясь от них.

Ключевой диалог Пьера и князя Андрея, выходящий на онтологическую проблематику «Войны и мира», происходит именно в этой «обители». Богучарово, «вынесенное за скобки», «заглазное имение», отличающееся от других и сакрализованное, становится подходящим фоном для развертывания почти притчевого диалога и присущего эпосу выхода во внепространственные (и вневременные) категории. Важно, что на момент разговора Андрей замкнут на Богучарове, на «жизни для себя», находясь в разрыве с бытием. Пьер, напротив, оказывается там с ощущением причастности к Вечному. Будучи в восторге от идей масонов, Пьер вольно пересказывает Гердера и выходит на мысль о гармонии бытия через связь понятий смерти и вечной жизни. Позже Андрей Болконский доведет гердеровскую линию до конца в сцене сна-смерти, а пока пребывание в Богучарово отмечается как начало «эпохи новой жизни».

Богучарово – это место, где обрывается жизнь старого князя Болконского. Смерть пришла, когда князя вывезли из Лысых Гор, из его среды, кроме которой все вокруг для него исчезло. Если же считать Богучарово со всеми его новыми строениями и недавно посаженным лесом символом «нового мира», очевидна его несовместимость с представителем мира «старого». Наиболее важны для нас последние слова старого князя, изъятого из освоенного пространства:

«– Да, – сказал он явственно и тихо. – Погибла Россия! Погубили! <...> он опять заговорил о сыне, о войне, о государе, задергал сердито бровями, стал возвышать хриплый голос, и с ним сделался второй и последний удар» [VI, С. 147].

Нет необходимости пояснять, насколько в этих словах и в романе вообще важно сцепление частного с историческим и, если угодно, космогоническим. Жизнь всего света рушится, рушится отечество, дом оставлен – жизнь старого князя прерывается.

Имение лежит между двумя армиями, дела политики и войны причудливо «оседают» в нем и показывают интересные закономерности. Странный поступок богучаровских крестьян проистекает из-за сочетания улучшающих мер, примененных к ним гуманными Болконскими, и влияния на них лживых французских прокламаций. Однако важно для нас вот что: среди мужиков «всегда ходили какие-нибудь неясные толки то о перечислении их всех в казаки, то о новой вере, в которую их обратят, то о царских листах каких-то, то о присяге Павлу Петровичу в 1797 году (про которую говорили, что тогда еще воля выходила, да господа отняли), то об имеющем через семь лет воцариться Петре Феодоровиче, при котором все будет вольно и так будет просто, что ничего не будет» [VI, С. 150]. Инаковость богучаровских

Богучарово и богучаровский бунт в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

крестьян проявлялась куда раньше событий 1812 года, старый князь недолго любил их за «дикость». Постоянное брожение – это их природа, уже имело место переселение «на теплые реки» и возврат как ни в чем ни бывало. В описании Богучарова, предвещающем сцену с «бунтом», постоянно подчеркивается необъяснимость действий крестьян. Их стихийность – это данность, то, что Толстой называет «таинственными струями народной, русской жизни». В романе не раз звучит мысль о том, что частное событие необязательно облекать в причинно-следственные связи. «Струи народной жизни» изливаются тогда, когда в воздухе ощущается нечто – в данном случае не имеет значения, плохо ли это нечто, хорошо ли, реально ли или находится в сфере мифического (а мифическое для крестьян едва ли не важнее): «Слухи о войне и Бонапарте и его нашествии соединились для них с такими же неясными представлениями об антихристе, конце света и чистой воле» [VI, 150]. Набор текучих народных представлений показывает, что импульс, приведший к бунту зрел дольше, чем толки о потенциальной свободе (хотя и толки эти, безусловно, в числе причин, очевидны отсутствие симпатии у богучаровских крестьян к своим барам и тяга их на свободу). Потому закономерна «бессмысленность» бунта и его кажущаяся несвоевременность. Событие в Богучарове и его последствия – пример такого «органического, стихийного» события, о котором говорится в начале третьего тома «Войны и мира».

После объяснения номинальной причины волнения крестьян дается картина напряженного диалога между двумя одинаково «образцовыми» управителями Лысых Гор и Богучарова. Изображение Дрона, старосты Богучарова, в ранних редакциях было дано значительно подробнее, приводилась его биография. Окончательный портрет героя сильно универсализирован, безлик, даже архетипичен: «... один из тех крепких физически и нравственно мужиков <...> такие же прямые и сильные в шестьдесят лет, как и в тридцать» [VI, С. 152]. Его деятельный характер стилистически может быть соотнесен с характером его хозяина, а имя созвучно имени «Андрей» (заметим как по-отечески старый князь прозвал его «Дронушкой»). Если Дрон прикреплен к Богучарову, то Яков Алпатыч – представитель лысогорских порядков и в определенной мере отражение старого князя (вспомним, как он вторил вслед за Николаем Болконским «Бабы толки!», и обратим внимание на значение его имени – «идущий вслед»). Их толком ничем не окончившийся диалог о подводах и брожении среди богучаровских крестьян показан с точки зрения Алпатыча, который в действительности видел народ насквозь и понимал пограничное положение Дрона, использующего самый действенный способ запугать мужика – напомнить о своей славе колдуна (дважды повторяет, что «видит на три аршина насквозь»).

Сцена богучаровского бунта – единственное место в романе, где дворяне и крестьяне вступают в прямое противодействие. Здесь нет попытки внять психологии отдельно взятого мужика, а княжна Марья, из искренних и гуманных побуждений и с мыслью о долге перед отцом и братом решившаяся на диалог, встречает непонятную реакцию. Дистанция между ней и крестьянами настолько велика идвигающие крестьянами силы настолько противоречивы, что те, задерживая княжну, обещают ей во всем повиноваться и говорят, что все будет «по-старому». Это их упорство, желание остаться, совершенно не типовое для бегущего народа (вспомним тут отчасти похожий эпизод покидания Смоленска) соседствует с историей о переселении и стремлении к «чистой воле». Дрон, которого «боялись больше, чем барина», сам подвержен неуправляемой стихии крестьянских настроений, умоляет Алпатыча об увольнении, и позже окончательно сливается с толпой крестьян. Смятение накаляется с тем, как Марья тщетно пытается определить хотя бы направление, в котором думают бунтующие крестьяне, но видит лишь полный разлад и отсутствие какого-либо выраженного недовольства: «Призванный Михаил Иваныч-архитектор, явившийся к княжне Марье с заспанными глазами, ничего не мог сказать ей. Он точно с тою же улыбкой согласия, с которою он привык в продолжение пятнадцати лет отвечать, не выражая своего мнения, на обращения старого князя, отвечал на вопросы княжны Марьи, так что ничего определенного нельзя было вывести из его ответов. Призванный старый камердинер Тихон, с опавшим и осунувшимся лицом, носившим на себе отпечаток неизлечимого горя, отвечал: «слушаю-с» на все вопросы княжны Марьи и едва удерживался от рыданий, глядя на нее» [VI, С. 157–158].

Марья пытается понять людей, но понимать нечего и будто бы некого. Условность каждого в крестьянском сходе подчеркнута («...столько было разных лиц, что княжна Марья не видала ни одного лица...» [VI, С. 160]). Люди не оформлены, и мысли их не оформлены, они не думают, но выражают противоположные настроения в один и тот же момент. Заметим: речевые портреты толпы и отдельно выхваченных лиц даны меткими штрихами, связывающимися в хаотичный клубок: черты говора, обтекаемость риторики Дрона перед господами, пьяные песни и протестующие выкрики.

Безжестие и безмолвие толпы крестьян прерывается на вопросе Марьи «Отчего же?» и переходит в повисшую неловкость («глаза опускались»). Чем активнее Марья пытается наладить контакт с мужиками, тем более растут их упрямство и злоба (после того, как героине удалось заглянуть в глаза старику). Марья, находясь в прострации, была равнодушна к своей судьбе при мысли о неминуемом приходе французов. Однако, как только Бурьен начинает уговаривать ее остаться и отдаться под покровительство французов, Марья начинает мыслить

Богучарово и богучаровский бунт в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

в категориях «свой-чужой». Примечательно тут явственное «присутствие» врага в деталях: воззвание Рамо было «не на русской бумаге», Марье представилось все, до подробностей, что будет происходить, попади они к французам, с презрением дается французская речь («M-Ne Bourienne lui fera les honneurs de Богучарово» [VI, С. 157]). Схожие чувства посещают Андрея накануне Бородинского сражения, он тоже воображает язык немцев, равно бесстрастный, как и язык французов, в приложении к родному дому – в узком и широком смысле: «– Да, im Raum verlegen, – повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда они проехали. – Im Raum у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно» [VI, С. 216–218].

Самодвижущееся нарастание хаоса может разрешить только встречный, соизмеримый по мощи и неожиданности поток. В Богучарове очутился Николай Ростов. Необходимая сила зарождается в нем во время разговора с Алпатычем, напоказ фамильярно заложившим руку за пазуху. Благодушие Ростова тотчас сменяется «неразумной, животной злобой», словно передавшейся ему от крестьян. Вмиг меняется его речь – с почтительного тона в диалоге с княжной Марьей на максимально упрощенный и императивный. Можно предположить, что не только и не столько появление в Богучарове «барина», но именно аффектация Ростова, передавшаяся ему от крестьян, утихомирила их же. Дважды в эпизоде показана возможность подчинить себе толпу: и Дрон в диалоге с Алпатычем, и Ростов, приказывающий вязать Дрона и Карпа, действуют так, будто бы ситуация сама собой исключает неповиновение. Ростов снимает напряжение, одна неистовая сила нейтрализует другую, и все возвращается на круги своя: богучаровский бунт заканчивается трогательно-комической сценой укладывания шкатулки и ласковым подтруниванием крестьян над хозяевами при виде количества их книг.

Поведение Ростова здесь походит на его «охоту» на француза (и на охоту на волка тоже). Его состояние в этих эпизодах характеризуется как не вполне осознанное, бессмысленное, его действия подчинены инстинкту. Эпизод богучаровского бунта в некоторых деталях перекликается и со сценой расправы над Верещагиным. Оба события по их завершении переосмысливаются толпой с удивленным покаянием как случайная оплошность и недоразумение, оба события раскручиваются мгновенно. И оба происходят в момент «оставления земель», в пограничных ситуациях. Сцена бунта показана в общем так же, как многие сцены, описывающие толпу. Вспомним «два старые длинные мужика» [VI, С. 165] и реплику Ильина на их счет: «И одинакие какие...» [VI, С. 165]. И главная черта общности, заключающаяся в превращении многих единиц в одно лицо:

«Все глаза смотрели на нее, с одинаковым выражением, значения которого она не могла понять. Было ли это любопытство, преданность, благодарность или испуг и недоверие, но выражение на всех лицах было одинаковое» [VI, С. 161].

И:

«И опять на всех лицах этой толпы показалось одно и то же выражение, и теперь это было уже наверное не выражение любопытства и благодарности, а выражение озлобленной решительности» [VI, С. 162].

Однородность толпы и ее чаяний одинаково показана во многих сильных «сборных» сценах романа, будь это толпа французов перед своим императором:

«На всех лицах этих людей было одно общее выражение радости о начале давно ожидаемого похода и восторга и преданности к человеку в сером сюртуке, стоявшему горе» [VI, С. 13–14].

Или русских – перед своим:

«На всех лицах было одно общее выражение умиления и восторга» [VI, С. 94].

Стихийное необъяснимое событие становится фоном для развертывания другого события, которого природа в тексте маркирована как судьбоносная. Марья помещена в Богучарово, казалось бы, потому, что оно более отнесено от опасности французского наступления, в то время как Лысые Горы подвергаются атакам. Но на это можно посмотреть иначе:

«Одно из таких явлений было проявившееся лет двадцать тому назад движение между крестьянами этой местности к переселению на какие-то теплые реки. Сотни крестьян, в том числе и богучаровские, стали вдруг распродавать свой скот и уезжать с семьями куда-то на юго-восток. Как птицы летят куда-то за моря, стремились эти люди с женами и детьми туда, на юго-восток, где никто из них не был» [VI, С. 150].

Этот эпизод «географически» подкрепляет «текучесть» богучаровских крестьян. На юге находится степь, крестьян старый князь называл «степными». Снова и снова вызывается чувство отделенности их от «твердой земли». Богучарово оказывается центром опасности, и княжна Марья становится его заложницей. Складываются условия рыцарского романа, если не сказки: даму в заточении спасает бравый солдат. Ростов сразу догадывается об особом характере этих условий: «Ростову тотчас же представилось что-то романическое в этой встрече. “Беззащитная, убитая горем девушка, одна, оставленная на произвол грубых, бунтующих мужиков! И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда!”» [VI, С. 167]. Марья благодарит Николая за спасение, и позднее, в эпилоге, показано, как он «воцаряется»

Богучарово и богучаровский бунт в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

среди этих же крестьян и становится славным хозяином благодаря своей удивительной согласованности с крестьянским миром.

Богучарово становится местом, где происходит очень ценное волнение жизни на фоне кризисных и тупиковых событий – личных и исторических. Эта хтоническая «обитель» со своими законами (с отсутствием подчиненности законам) порождает случай-совпадение, природу которого герои будут относить к провидению и чуду. Таким образом, в «лабиринте сцеплений» Толстого Богучарово с «таинственными струями жизни» – звено чрезвычайно мощное.

Библиография

Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 5. М.:

Художественная литература, 1980.

Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 6. М.:

Художественная литература, 1980.

Толстой Л.Н. Война и мир: Черновые редакции и варианты // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 13. Ч. 1. М.: Художественная литература, 1949.